

Н.В. Юськив

АНТРОПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются философско-правовые взгляды на феномен государственной власти. Особое внимание сконцентрировано на антропологическом измерении государственно-властных отношений. Автор выделяет три сферы научного поиска изучаемого явления: определение места и роли человека через призму ее свободной воли в конгломерате государственно-властных процессов; анализ антропологических свойств лидера, как перманентного элемента в субъектном механизме государственно-властных отношений; отображение процесса преодоления кризиса доверия к государственной власти через обновления утраченного ею человеческого измерения. Сформулирована собственная позиция автора в сфере изменения властных процессов в трансформационном периоде современности. **Ключевые слова:** Юриспруденция, власть, государство, гражданское общество, легитимность, онтология, антропология, лидер, политика, тоталитаризм

Введение

Правовая антропология выступает как научная форма исследования отношений человека и права, места и роли человека в правовой действительности. Актуализация такого подхода связана с общей тенденцией процесса реализации гуманистической природы права, процесса его «очеловечивания» в цивилизационном и национальном измерениях. Осмысление проблем бытия человека – это ключ к пониманию многих важных аспектов глобальной проблематики, начиная с кризисов и противоречий между человеком и природой, заканчивая формированием ценностных установок людей, ориентирующихся в своей деятельности на снятие противоречий, развертывание внутреннего богатства и творческих потенций человека как субъекта культуры, истории, собственной жизни.

Проблемы человека, его сущности, природы и назначения, настоящего и будущего бытия, воздействия права и власти на бытие человека, а также особенности бытия в государственно-правовой парадигме, по нашему мнению, должны выступать обязательной сферой научного поиска при выяснении философско-правовой сущности государственной власти. Мотивируем это тем, что государственная власть является неотъемлемой формой бытия человека, она органично вплетена в общественно-государственные отношения и является эффективным средством регулирования отношений между людьми, координируя их деятельности, удовлетворяя потребности и интересы или наоборот производя правомерное давление на личность.

Генезис развития онтологического бытия государственных и иных ценностных субстанций для общества обусловил этап субъективизма человека в современной социокультурной ситуации. Последнее, как указывает Т. Цымбал, является демонстрацией не только технологически прогрессивных, но и регрессивных тенденций в разных сферах бытия. На почве этих противоречий набирают оборот постмодернистские представления о невозможности государственно-властного подхода к проблемам субъективной деятельности, осуществления свободных и ответственных действий, поступков, отвечающих определенной системе смыслов, ценностей, закономерностей, обеспечивающих укоренение человека в государственном бытии¹.

Итак, актуальность исследования проблем антропологии государственной власти обусловлен следующими обстоятельствами:

1. необходимостью определения места и роли человека через призму ее свободной воли в конгломерате государственно-властных процессов, установление взаимосвязей и взаимовлияний между человеком и государственной властью в механизме прав властных отношений;
2. потребностью анализа антропологических свойств лидера и элиты, как перманентных элементов в субъектном составе государственно-властных отношений;

¹ Цимбал Т. В. Людина у пошуках ґрунту. – Київ; Кривий Ріг : Видавничий дім, 2010. С. 59

3. необходимостью отражения процесса преодоления кризиса современной властной формы государственности, обновления утраченного ею человеческого измерения.

Современная философско-правовая дискуссия векторизована в антропологическое измерение. Касается это как внутригосударственного права, так и международных междисциплинарных связей, поскольку международные документы нормативно стандартизируют антропологический артефакт при решении глобальных правовых проблем. Антропоцентризм, по нашему мнению, должен быть доминантным при исследовании философско-правовых вопросов и государственной власти в частности. Не зная природы и сущности человеческой личности с присущими ей индивидуальными идеями, идеалами, ценностями, страстями, инстинктами, мы не поймем, чем является государство, право, в конце концов и народ, как первоисточник этой власти.

Основная часть. Основанная на реальной действительности, на данности человека, философская антропология дает нам понять, что человек, в отличие от других биологических существ, является личностью, то есть существом, наделенное разумом, чувствами и свободной волей, существом, способным сознательно осуществлять свое бытие, «владеть собой»². Продолжая эту мысль, укажем, что современный человек не может выступать «винтиком» в любых социальных процессах. Не люди оборачиваются в мире, а мир вращается вокруг каждого конкретного человека и человечества в целом. Человек – центр отсчета для всех явлений, теорий, идей, схем или процессов, которые позиционируются в государстве и социуме, при этом определяя сферу исследования в зависимости от установленной им оси координат (собственных целей, желаний, сознания, качеств, свойств и т.п.).

У каждого из нас свой набор таких квазиэмпирических пропозиций, которые имеют условный характер, не допускают сомнения и выступают в качестве обязательных оснований, без которых невозможно выносить мысли, осуществлять расчеты, задавать вопросы и так далее. Они задают границы, в которых происходит понимание и познание, но если так, то они содержат и то, что сегодня называют «ценностными ориентирами»³. Сама же проблема ценностей предстает как система ценностных ориентации субъекта, т.е. из сферы онтологической переводится в сферу субъектно-объектных отношений.

Антропокультурное измерение бытия человека в мире охватывает целый ряд определяющих свойств, признаков и черт: общественное самоощущения человека, его психологическое состояние, ощущение комфортности (или дискомфорта), его стремление и направления, выход на передний план, в зависимости от определяющей социокультурной парадигмы правовых, творческих, жизнеутверждающих черт человеческого естества или, наоборот, рис разрушительных, деструктивных. Антропокультурное также характеризует степень уравнивания духовного и витального, качественную специфику межчеловеческих отношений, их солидарный или исключительно конкурентный характер, их унормированность в пределах коммуникативной сообщества (при условии принятия ею взаимосогласованных требований) или их иррационализацией; культивирования индивидуализма и эгоизма или взаимопонимания и взаимоподдержки. Итоговым признаком антропокультурного измерения бытия выступает стремление человека (или отсутствие такого стремления) к отстаиванию своих определяющих в настоящее время интересов и потребностей, утверждения своего человеческого⁴, – определяет Е. Андрос.

Человек – это социальное существо и его социальность проявляется в организации и координации внутренней сущности в контексте согласования личного проявления по отношению к социальному. Личность раскрывается через опыт собственной реализации, ее деятельность является творчеством, которое меняет внешнюю реальность, формирует эту личность, обогащает мир ценностей, сближает людей между собой. Творчество отличается от производства тем, что ее результат всегда превосходит творца, не равнозначно его осознанным возможностям и несет в себе уникальность сочетания вдохновения, свободы и момента. Личность живет в действенном привлечении, но оно всегда остается проявлением и не исчерпывает ее. «Личность реализуется лишь в акте, которым она пытается воплотиться ... но одновременно, по самой своей сути, она никогда не способна окончательно застыть или кристаллизироваться в этом конкретном воплощении ... потому что участвует в неиссякаемой полноте бытия, из которого она выходит»⁵.

Свободная воля выступает первичным ценностным ориентиром в концепте именно государственно-властных отношений. Необходимо акцентировать внимание на том, отмечал В. Селиванов, что личность в гражданском обществе обладает внешней или внутренней, т.е. моральной, свободой. Внутренняя, свобода связана с идеалом, кото-

² Гусак П. Природне право як підстава для позитивного права на життя // Антропология права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Другого всеукраїнського «круглого столу» (м. Львів, 1-2 грудня 2006 року). – Львів: Край, 2007. – С. 84

³ Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССГТЭН), 2007. – С.22

⁴ Андрос Е.А. Интеллект у структурі людського буття. – К.: Стило, 2010. – С. 6-7.

⁵ Марсель Г. Homo viator. / Пер. укр. В.Й. Шовкуна. – К: Видавничий дім “КМ Academia”, Університетське видавництво “Пульсари”, 1999. – С. 33

ого ни один индивид в жизни полностью не достигает и пользуется как критерием для моральной оценки как собственных, так и чужих характеров, поступков. Именно нравственную свободу называют истинной, правдивой, поскольку ее сущностью считался приоритет любой моральной нормы над волевым актом поведения человека⁶. Нормы морали как средство регулирования поведения людей в обществе характеризуются заметной зависимостью от субъективного фактора. Ведь понятия добра и зла определяются внутренними убеждениями человека, его чувствами добросовестности, совести, то есть теми ценностями, которые она определила как составляющие своей жизненной цели.

Свободная воля в государственно-властных отношениях проявляется в оценке государственной власти и ее институций через правовые и морально-ценностные критерии.

Категория свободы начинает действовать тогда, когда человек, осознает неправильность определенного поступка, он свободен не от внутреннего давления негативных, аморальных желаний, при этом анализирует отношения и выбирает действовать на добро. Стоит отметить, что соответствующие знания дают человеку возможность осознавать правильность выбора варианта поведения и его последствия, знание дает человеку свободу свободного выбора между добром и злом. Свободная воля человека не призывает к свободе от государственной власти, то есть анархии вообще, а устанавливает свободу критериев выбора этой власти.

Природа человека понимается как, постоянное состояние динамическом равновесии. Способы нахождения состояния равновесия детерминированы только вероятностно, поэтому человек действительно находит свободу. Человек в процессе собственного анализа в реальности как бы осознает свои запросы и запросы окружающего мира и конституируется этим как целостное существо. Поэтому главным выступает процесс самодетерминации индивида в ответ на возможности, предоставляемые внутренней и внешней средой. В данном контексте на первый план выдвигаются не постепенные изменения целесообразного характера, ведущие к совершенствованию индивида, а случай и целесообразность реакций в контексте культурных изменений социума⁷.

Человек как индивидуум олицетворяет ряд субстанционных элементов, среди которых человек политический.

⁶ Селіванов В. Парадокси свободи і демократії // Віче. — 2000. — № 12. — С. 69.

⁷ Удовика Л. Розширення меж правового буття людини як закономірність розвитку права // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / Редкол.: П.М. Рабінович (голов. ред.) та ін. — Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 10.-Львів: Астрон, 2006. — С. 300

В этом аспекте – власть рассматривается как исходное начало, властью детерминируются все политические действия лица. В процессе построения государственно-политического суждения личность должна понять содержание общего, т.е. государственно-властного концепта действительности в целом. Процесс понимания последней начинается с мысленного образа, который зафиксировался в политическом сознании после изучения фактических обстоятельств дела. В дальнейшем, правовое мышление будет осуществлять оценивания в форме соотнесения данной модели «должного» с содержанием юридически понятного нормативного положения и собственного государственного и общественного опыта. Идеальным является условие полного совпадению собственной правового сознания и государственно-властного веления. В случае конфронтации, происходит процесс сознательного или бессознательного выбора с учетом как субъективных, так и объективных факторов. Таким образом, одновременное присутствие в сознании двух содержательных структур – собственного варианта понимания сущности политико-правового явления и нормативного государством объективированного властного посыла. Личность должна корректировать указанные факторы согласно приемлемости в ее сознании ценностных ориентиров.

Категория необходимости проявляется на этапе осознания человеком своей обязанности и выступает предпосылкой его выполнения, даже вопреки интересам. Степень усвоения общественных требований и норм проявляется в побуждающих стимулах и мотивах, которыми руководствуется человек при принятии решений. Чем больше у него общего между «необходимо» и «хочу», тем более удачно общество решает задачи по формированию его государственно-властных потребностей и взглядов. Государственная власть не будет выступать средством давления или ресурсом принуждения человека, если его внутренняя потребность и свободная воля совпадают с правовым государственно-властным велением. Не принуждение, а убеждение самый эффективный метод получения результата.

Могут ли государственно-властные отношения быть моральными? Еще Кант анализировал так: именно практическое, нравственное сознание сдерживает непомерные притязания теоретического разума на «всезнания», устанавливает моральные запреты на определенные формы и направления интеллектуальной активности, отвергает использование субъектом теоретического разума в корыстных целях в любой сфере деятельности. Однако, как отмечает мыслитель, категория нравственных отношений не является естественной данностью⁸. Человек, который опирается на практический разум в познании, должен

⁸ Антропология с прагматической точки зрения // Соч. в 6-ти т. Т. 6. М, 1966. С. 374.

быть определенным образом подготовлена, так чтобы «моральный образ мысли в борьбе», в которой истинно нравственным предстает не самодовольство, но критическая самооценка и высокое чувство долга.

Поэтому в поисках научной истины мы столкнулись с еще одной проблемой – соотношением права, как объективной воли государства и моральной субстанции в антропных свойствах человека. Таким образом, право и мораль являются важным достоянием общества, они существуют объективно, прежде всего, в сознании людей, выполняя важные функции. С течением времени в зависимости от изменений в общественной жизни, содержательно обогащают социально значимые жизненные ценности, которые непосредственно влияют на формирование определения права и морали. Сочетание сущности права и морали как важнейших социальных регуляторов общества будет иметь положительное значение для государств, стремящихся к правовым, социальным и демократическим отношениям, а именно общей доброй воли, является синтезом соответствия, взаимодействия, взаимовлияния права и морали⁹. Решение раньше поставленного вопроса, предполагает не конфронтацию указанных сфер, а имплементацию и обобщения в единое измерение, что может существенно влиять, как на отдельного члена, на общество, да и всю властную парадигму.

Участие личности в государственно-властном механизме проявляется в указанных субстанциональных измерениях: 1) через участие в государственно-властной деятельности создаются условия для раскрытия потенциала человека, происходит интенсификация человеческого фактора, 2) всеобщее развитие человека как субъекта государственной власти является необходимым условием тесной связи государственных институтов с гражданским обществом; 3) через участие в властной жизни общество удовлетворяет потребность своих членов участвовать в управлении делами государства, 4) открытость и доступность государственно-властных процессов указывают на демократичность самого государства, 5) государственно-правовые отношения предполагают на возможность самозащиты свободной воли в механизме политических отношений, 6) государственно-властное участие личности субординирует и адекватно объединяет все сферы бытийной жизни в политико-правовой системе общества, в частности таких как государственная власть, право, мораль и т.п.

Политическая деятельность личности основывается на совокупности определенных предпосылок, одной из которых является активное включение человека в политический процесс. Взаимосвязь власти и человека

является пересечением, где возникают наиболее сложные конфликты между человеком и общественной организацией его жизнедеятельности. Доминирующие в ней институциональные и идейные составляющие образуют совокупность влиятельных институтов и персон господствующей власти, осуществляющих критически важное влияние на всех остальных членов общества. Вертикали и горизонталы власти является важным механизмом в трансляции генетической матрицы общественной самоорганизации, саморегуляции и саморазвития социума.

Участие человека в управлении государственными и общественными делами возможна лишь в рамках политической системы и ее институтов, т.е. политическая система общества, является условием реализации государственно-правовой активности личности посредством участия в деятельности системы государственных и общественных организаций (политических партиях, органах общественной самодеятельности, общественных движениях и т.п.). Как известно, в государственно-властном механизме задействовано много различных субъектов. К основным субъектам политического действия относятся субъекты трех типов: индивидуальный (микроактер), групповой (макроактер), институциональный (организационный актер)¹⁰.

Особое внимание в аспекте антропологии государственной власти нужно выделить феномену политического лидерства, поскольку именно эти субъекты определяют основу для механизма государственно-властных отношений. Политическое лидерство является одной из разновидностей лидерства вообще. Оно может быть определено как «процесс взаимодействия между людьми, в ходе которого наделены реальной властью авторитетные люди совершают легитимный влияние на общество (или определенную его часть), которое добровольно отдает им часть своих политико-властных полномочий и прав»¹¹. Лидер, благодаря авторитету и личностному влиянию, играет определяющую роль в процессе принятия решений, т.е. по сути дела осуществляет, в определенном отношении, власть над группой или организацией, членом которой он является. Лидер – это непременно личность, которая имеет адекватную подготовку и навыки, является субъектом со сложившимися качествами и свойствами, которые выступают весомыми и значимыми в ходе осуществления такого вида человеческой деятельности, как политическая.

Позиция о роль лидера в государственно-властном механизме как доминирующего элемента, на нашу

⁹ Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах: Монографія / Кол. авторів; За заг. ред. Н. М. Оніщенко. — К.: Видавництво «Юридична думка», 2009. — С. 16

¹⁰ Воронов І. О. Людина і політика: у пошуках гуманістичної альтернативи : монографія. — К.: Генеза, 2003. — С. 48.

¹¹ Політологічний енциклопедичний словник / Упоряд. В. П. Горбатенко; Ред. Ю. Шемшученко, В. Бабкін. — 2-ге вид., доповн. і перероб. — К.: Генеза, 2004. — С. 186.

точку зрения, несколько преувеличенна. Подавляющее большинство людей, отмечает философ В. Капустин, никакого влияния на ход истории не осуществляли: все знают, что историю творят только выдающиеся личности и деятельность последних чаще хранится в исторической памяти. Не отрицая роль великих людей в развитии общества, продолжает автор, – следует в то же время отметить, что выдающиеся личности лишь постольку играют какую-то роль в историческом процессе, поскольку они выражают помыслы и надежды крупных общественных групп: наций, классов, сословий, выступающих создателями истории¹².

Наряду с этим, не следует нивелировать место и роль элиты и лидера в государственно-правовых механизмах, поскольку она значительно весомее и влиятельнее по сравнению с обычным членом общества. Если бы не было ни одного, кто мог бы активно действовать как член народа и ответственно определять судьбу народа, то нельзя было бы говорить ни о какой общей воли. Так признаком существования народа является то, что в некоторых его членах политическое сознание нацелено не на собственно-бытовые, а на общественные, государственные интенции. Кроме того к признакам существованию народа принадлежит то, что эти сознательные члены настолько влияют на поступки других и оценивают их, что это имеет значение для всего общества¹³.

Таким образом, политический лидер является политическим продуктом, который создается усилием субъекта (лидера) и кооперированной деятельностью людей в системе социальных, политических, духовных и экономических координат. Лидерство – это социальный конструкт, который особым образом воспринимается, где его имеет смысл интерпретироваться контекстуально в том или ином исторической среде.

Политическое лидерство и политическое руководство как один из способов существования власти в сфере политики существенной степени определяется субъектными признаками, что отражено в деятельно-поведенческом подходе к их изучению. Это особенно характерно для кризисных, «смутных» времен, когда трансформируются или разрушаются устоявшиеся политические институты, и, соответственно, на первое место выдвигаются, точнее, становятся наиболее значимыми политическими процессами. Тогда и приобретает ведущую роль политическое лидерство сравнению со стабильными «институциональными» временами. Иногда, наоборот, «человеческий фак-

тор» (проявления субъектной активности) как бы прячется внутрь политической жизни, будучи жестко подавленным институциональными структурами, возможно в условиях как тоталитарных общественных систем и организаций, так и демократических¹⁴. Получается, что политические лидеры имеют приоритет и своеобразные «преференции» от общества (которое так или иначе их легитимизирует) на формирование государственно-социальных отношений.

Ограниченность и посредственность человеческих знаний о сущности и общих законах эволюции земного бытия неизбежно влечет за собой исторический инфантилизм, инертность и аполитичность основной массы населения. Этим веками и тысячелетиями умело пользовались чиновники для сохранения своего политического господства и социальных привилегий, для одурманивания народа разного рода воинственной пропагандой и призывами к укреплению военной мощи государства, «не жалея ни сил, ни средств». Все государства и народы мира находились в состоянии «постоянной боевой готовности». Одни, более сильные, выискивали малейший повод для агрессии и нападения, другие, более слабые, жили в тревожном ожидании возможного вооруженного вторжения агрессора и кровопролитного боя за свободу и независимость.

Изначальная порочность стихийно сложившаяся социально-политической структуры государства-общества состоит в том, что не разум и добродетель, не объективные законы истории, а слабо контролируемые чаще нездоровые и необузданные, эмоции и страсти верховных вождей-монархов или властных группировок всегда определяли реальную сферу жизни и судьбу многих миллионов людей. Поэтому все народы, большие и малые, развитых и неразвитых стран продолжают оставаться заложниками своих верховных лидеров со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями.

В современной истории аксиомой мудрости государственного управления является всемерное ограничение субъективизма и волюнтаризма высших политических деятелей при принятии важнейших, судьбоносных решений общенационального масштаба и использования научных методов всестороннего объективно исторического обоснования перспективных и текущих задач жизнедеятельности общества. Несоблюдение этого элементарного требования неизбежно влечет неразрешимость возникающих социальных и политических проблем, жесткость кризисных ситуаций, возникновение военно-силовых и революционно-потрясающих конфликтов.

Политическое лидерство, как лакмусовая бумага, проявляет стремление (готовность) и способность (по-

¹² Капустин В.А. Проблема человека в современном материализме: монография – Донецк: изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2009. – С. 35

¹³ Штайн Едит Будова людської особи. Лекції з філософії антропології. (Вступ і нове опрацювання Беате Бекман-Цюлер) – Переклад з нім. Ілони Терзової.– Жовква: Місіонер, 2011.– С. 121

¹⁴ Траверсе О. О. Політичне лідерство та керівництво доби «лібералізованого» тоталітаризму в СРСР: український контекст (60-ті — початок 90-х рр. XX ст.). — К.: ІНІЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2010. —С. 30

тенциал) социума к проявлениям самоорганизации в процессе собственной эволюции. Его интеграция (как структурного элемента политической действительности) в целостную жизненную систему политического пространства наиболее характерно представляет и легализует наличие общественного ресурса, который содержит как собственно политико-правовой ресурс, так и ресурс, имеющий неполитической генеза. Уровень лидерства показывает способность адекватного взаимодействия между обществом и государственной властью, возможность установления последних правовых границ и контроля со стороны социума.

Еще одним аспектом антропологического поиска, как нами установлено предварительно, является необходимость очеловечивания властных отношений.

Проблемы общества, в котором господствует тоталитарная идеология, как отмечал М. Мамардашвили, полагают прежде всего в том, что обычный человек не чувствует себя гражданином, поскольку у нее зомбированное сознание. «Зомбированное» означает, что люди с таким сознанием могут чувствовать (а могут уже или еще не чувствовать), что что-то не так, но постоянно слышат, что все в порядке и будет еще лучше. Возникает сдвиг сознания: оно направлена на понимание, а ему предлагают суррогат понимания. Сдвиг должен быть в сторону понимания, а он идет в сторону непонимания и даже страха. Человеческое, общечеловеческое теряется. Тоталитарному обществу не нужны люди, которые будут осмысливать свое бытие, а тем более его критиковать и менять. За людей «есть кому подумать», граждан всегда есть кому обмануть и убраться их совесть. Язык тоталитарного общества настолько тарабарский, что самостоятельно научиться думать, пробиться сквозь идеологические сооружения чрезвычайно трудно. Даже тот, кто отчаянно пытается понять этот язык, чувствует свое бессилие. Степень доверия к власти пропорциональна мощности идеологической и практической обработки. Человека тянет к человеческому, а человеческое сосредоточено в общечеловеческих культурных ценностях. Измени мир ценностей – и попадешь в другой мир. Родись в мире с другими ценностями, и может не быть возможности увидеть человеческий мир¹⁵. Тоталитарная идеология, прикрываясь ценностными измерениями, деформирует сознание личности, тем самым деформирует самого человека.

В тоталитарной законосознании, указывает Ю. Дмитриенко, следует понимать тотально идеологизированную и идеологически стереотипизированную способность субъектов права и правосознания, как правило, вторичных (властных лиц) нормативно измерять, оценивать и верифицировать отечественную и мировую правовую

реальность, исходя только из правовых интересов, требований и потребностей властной правовой корпорации (властной правовой элиты), которая регулятивно не учитывает правовые интересы, требования и потребности большинства невластных правовых субъектов, как правило, массовых первичных субъектов правосознания (физических лиц). Это приводит к отчуждению естественных прав в первичных субъектах правосознания, без учета их личностных и индивидуальных развивающих требований, вследствие чего правосознание последнего испытывает трансформационные, нормативно-правовые девиации, превращаясь в девиантное, что создает маргинальные правовые нормы как собственные акты, способствующие маргинальному правовому поведению и при дальнейшей отсутствия внимания со стороны действующей правовой политики к требованиям и потребностям, правосознание способно породить деликтное поведение поскольку окончательно теряет правовой настрой¹⁶.

То есть, в условиях тоталитарного давления лицо теряет доверие к власти, выступая инертным объектом государственно-властных отношений. Для того, чтобы прикрыть недемократические механизмы, государственная власть использует идеологический ресурс, создает собственную харизму путем демагогических приемов или концентрирование сознания социума в другом направлении, например против созданного искусственно государственной властью мнимого врага. Таким образом, на некоторое время власть легитимирует себя в глазах народа.

По утверждениям С. Хайтун, интересы человечества получили «нечеловеческого» характера в том смысле, что эволюция человечества направлена «на интенсификацию метаболизма и рост связанности» всего всем, а не на достижение людьми «индивидуального счастья». И «служба общим интересам человечества», бесчеловечным в своей прогрессивной основе, люди очеловечивают эти «нечеловеческие» интересы, переводя их на язык человеческих (индивидуальных) ценностей путем придания им формы морально-этических норм¹⁷.

Центром, вокруг которого вращается вся теоретическая и прикладная проблематика прав человека является социальная связь «гражданское общество – государство – человек». В основе этой связи должно быть представление об ассоциации граждан, конституирующей публично-политическую власть, правовая форма которой, при

¹⁵ Бучин О.П. Онтология; Навчальний посібник. — Ніжин: Видавництво НДУ ім. М.Гоголя, 2009. — С. 93

¹⁶ Дмитрієнко Ю. Правові властивості людини: витоки Української законосвідомості // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / Редкол.: П.М. Рабінович (голов. ред.) та ін. — Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 10.— Львів: Астрон, 2006. — С. 94

¹⁷ Хайтун С.Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции. — М.: КомКнига, 2006. — С. 227, 228

взаимодействие с гражданами, являются отношениями гражданского общества и государства, индивидуальной свободы и государственной власти. Эти отношения характеризуются не обратными процессами от позиции «поглощения гражданского общества государством» (К.Маркс), а реализацией приоритета гражданского общества над государством. При этом отрицаются условия нормального функционирования и недопущения узурпации государственной власти, ее авторитаризации с тем, что человек, взаимодействуя с государством и обществом, всегда был не только субъектом гражданских прав, но и носителем субъективного публичного права. Это означает, как справедливо подчеркивал М. Орзих, что вся деятельность государства, социально-политические процессы в стране должны получить человеческое измерение, иметь критериальное значение для определения легитимности политического режима, демократичности конституционного строя, а проблема прав и свобод человека имеет всеобщее значение¹⁸.

В условиях демократической трансформации постсоветского общества, когда человек конституционно декларируется высшей социальной ценностью, официально провозглашается главной составляющей прав на национальные богатства, двигателем общественного прогресса и определяющим критерием оценки преобразований, возрастает значение проблемы правопорядка в стране, обеспечение прав и свобод человека, их защиты, в целом приобретает нового человеческого измерения проблема соотношения права, власти и закона.

Заключение

Современная власть начинает получать антропологические черты, что обеспечивает возможность отойти от «советской» схемы отождествления власти с государством, а субъекта власти с государственными структурами. Категория субъекта власти, становится неограниченно широкой. Она не ограничивается только государственными или общественными организациями. Такой подход является первым шагом в методологическом плане для переосмысления факта отчуждения человека от власти, наделении его в теоретическом плане правом статуса субъекта власти. Считаем, что необходимо четко не только на законодательном, но и на социально-сознательном, реально политической уровне закрепить положение о человеке как субъекте власти, определить статус его индивидуального «Я», выявить роль его ценностных ориентиров во властных отношениях.

Обобщая, отметим, что трансформационные процессы современности требуют радикального изменения

государственно-властных отношений, изменения места и роли государственной власти от матричной основы общества и государства в тоталитарном обществе, к правовому средству защиты интересов свободной воли человека в демократическом социуме настоящего. Указанную трансформацию возможно осуществить путем очеловечивания государственных отношений, левитации государственно-властных процессов, концентрации на праве как на самой социальной ценности, выражающая социогуманитарный содержание права и его равную значимость как для гражданина, так и для органа государственной власти. Демократическая власть должна воплощать следующий концепт: не человек существует для власти и закона, а государственная власть и правовой закон существует для человека. Человеческое бытие и свободная воля человека – это онтологическая ценность для власти в демократическом государстве, а сущность человека во власти воспринимается как точка отчета, центр построения механизма государства.

Библиография:

1. Цимбал Т. В. Людина у ґрунті : – Київ ; Кривий Ріг : Видавничий дім, 2010. – 284 с.
2. Гусак П. Природне право як підстава для позитивного права на життя // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Другого всеукраїнського «круглого столу» (м. Львів, 1-2 грудня 2006 року). – Львів: Край, 2007. – С. 82-92.
3. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССГТЭН), 2007. – 439 с. (Серия «Нитаппак»)
4. Андрос Є.А. Інтелект у структурі людського буття.– К.: Стилос, 2010.– 358 с.
5. Марсель Г. Homo viator./ Пер. укр. В.Й. Шовкуна. – К: Видавничий дім “КМ Academia”, Університетське видавництво “Пульсари”, 1999.-317 с.
6. Селіванов В. Парадокси свободи і демократії // Віче. — 2000. — № 12. — С. 69.
7. Удовика Л. Розширення меж правового буття людини як закономірність розвитку права // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / Редкол.: П.М. Рабінович (голов. ред.) та ін. – Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 10.-Львів: Астрон, 2006. – С. 300 – 301.
8. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. в 6-ти т. Т. 6, М, 1966. С. 374.
9. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах: Монографія / Кол. авторів;

¹⁸ Орзих М. Конституционное положение человека в государстве и обществе // Юридический вестник – 1997. – №1. – С.60

- За заг. ред. Н. М. Оніщенко. — К.: Видавництво «Юридична думка», 2009. — 216 с.
10. Воронов І. О. Людина і політика: у пошуках гуманістичної альтернативи : монографія. — К.: Генеза, 2004. — 315.
  11. Політологічний енциклопедичний словник / Упоряд. В. П. Горбатенко; Ред. Ю. Шемшученко, В. Бабкін. — 2-ге вид., доповн. і перероб. — К.: Генеза, 2004. — 736 с.
  12. Капустин В.А. Проблема человека в современном материализме: монография / В.А. Капустин. — Донецк: изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2009. — 155 с.
  13. Штайн Едит Будова людської особи. Лекції з філософії антропології. (Вступ і нове опрацювання Беате Бекман-Цюлер) — Переклад з нім. Ілони Терзової.— Жовква: Місіонер, 2011.— 192 с.
  14. Траверсе О. О. Політичне лідерство та керівництво доби «лібералізованого» тоталітаризму в СРСР: український контекст (60-ті — початок 90-х рр. XX ст.). — К.: НІЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2010. — 268 с.
  15. Бучин О.П. Онтологія: навчальний посібник. — Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2009. — 106 с.
  16. Дмитрієнко Ю. Правові властивості людини: витоки Української законсвідомості // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / Редкол.: П.М. Рабінович (голов. ред.) та ін. — Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 10.— Львів: Астрон, 2006. — С. 93– 107.
  17. Хайтун С.Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции. — М.: КомКнига, 2006. — 336 с.
  18. Орзих М. Конституционное положение человека в государстве и обществе // Юридический вестник — 1997. — №1. — С.60-61.
  - uchasnikiv Drugogo vseukraïns'kogo «kruglogo stolu» (m. L'viv, 1-2 grudnya 2006 roku). — L'viv: Kray, 2007. — S. 82-92.
  3. Mikeskina L.A. Epistemologiya tsennostey. — M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSGTEN), 2007. — 439 s. (Seriya «Nitappak»)
  4. Andros C.A. Intel'ekt u strukturi lyuds'kogo buttya.— K.: Stilos, 2010.— 358 s.
  5. Marsel' G. Nomo viator./ Per. ukr. V.Y. Shovkuna. — K: Vidavni-chiy dim «KM Asademia», Universitets'ke vidavntstvo «Pul'sari», 1999.-317 s.
  6. Selivanov V. Paradoksi svobodi i demokratii // Viche. — 2000. — № 12. — S. 69.
  7. Udovika L. Rozshirennya mezh pravovogo buttya lyudini yak zakonornist' rozvitku prava // Pratsi L'vivs'koï laboratorii prav lyudini i gromadyanina Na-ukovodoslidnogo institutu derzhavnogo budivnitstva ta mistseвого sa-movryaduvannya Akademii pravovikh nauk Ukraïni / Redkol.: P.M. Rabino-vich (golov. red.) ta in. — Seriya I. Doslidzhennya ta referati. Vipusk 10.-L'viv: Astron, 2006. — S. 300 — 301.
  8. Voronov I. O. Lyudina i politika: u poshukakh gumanistichnoï al'ternativi : monografiya. — K.: Geneza, 2004. — 315.
  9. Kapustin V.A. Problema cheloveka v sovremennom materializme: monografiya / V.A. Kapustin. — Donetsk: izd-vo «Noulidzh» (Donetskoe otdelenie), 2009. — 155 s.
  10. Traverse O. O. Politichne liderstvo ta kerivnitstvo dobi «liberalizovanogo» totalitarizmu v SRSR: ukrains'kiy kontekst (60-ti — pochatok 90-kh rr. XX st.). — K.: NIiEND imeni I. F. Kurasa NAN Ukraïni, 2010. — 268 s.
  11. Buchin O.P. Ontologiya: navchal'niy posibnik. — Nizhin: Vidavnitstvo NDU im.. M. Gogolya, 2009. — 106 s.
  12. Dmitrienko Yu. Pravovi vlastivosti lyudini: vitoki Ukraïns'koï zakonosvidomosti // Pratsi L'vivs'koï laboratorii prav lyudini i gromadyanina Na-ukovodoslidnogo institutu derzhavnogo budivnitstva ta mistseвого sa-movryaduvannya Akademii pravovikh nauk Ukraïni / Redkol.: P.M. Rabino-vich (golov. red.) ta in. — Seriya I. Doslidzhennya ta referati. Vipusk 10.— L'viv: Astron, 2006. — S. 93– 107.
  13. Khaytun S.D. Sotsium protiv cheloveka: Zakoni sotsial'noy zvolutsii. — M.: KomKniga, 2006. — 336 s.
  14. Orzikh M. Konstitutsionnoe polozhenie cheloveka v gosudarstve i obshchestve // Yuridicheskii vestnik — 1997. — №1. — S.60-61.

References (transliteration):

1. Tsimbal T. V. Lyudina u rruntu : — Kiïv ; Kriviy Rig : Vidavnichiy dim, 2010. — 284 s.
2. Gusak P. Prirodne pravo yak pidstava dlya pozitivnogo prava na zhittya // Antropologiya prava: filofs'kiy ta yuridichniy vimiri (stan, pro-blemi, perspektivi): Stati
13. Khaytun S.D. Sotsium protiv cheloveka: Zakoni sotsial'noy zvolutsii. — M.: KomKniga, 2006. — 336 s.
14. Orzikh M. Konstitutsionnoe polozhenie cheloveka v gosudarstve i obshchestve // Yuridicheskii vestnik — 1997. — №1. — S.60-61.